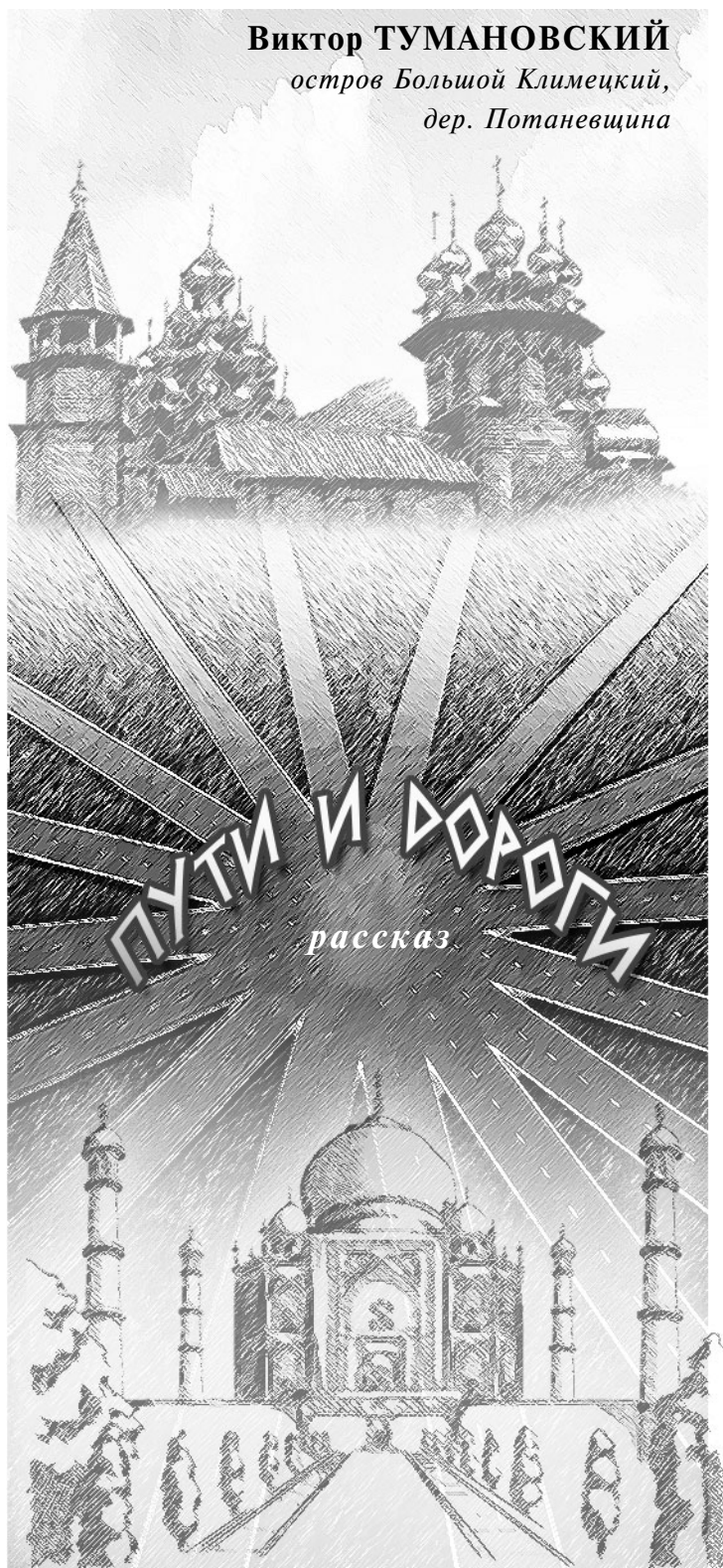

Виктор ГУМАНОВСКИЙ

*остров Большой Климецкий,
дер. Потаневщина*

Афанасий Никитин бросил пить. Точнее, не бросил, а больше не захотел. Проснулся утром... и не хочется... не тянет. Исчез интерес.

Как раз выходной был — суббота. Ясно, чем заняться здоровому мужику — если ты, конечно, не в диком лесу живешь, а в деревне, и есть у тебя друзья, товарищи по работе, соседи или родственники одних с тобой взглядов — магазин недалече. Один на всех, но с широким ассортиментом.

Вначале Афоня и не понял, какая с ним беда случилась. Встал, как обычно, затемно. До ветру сбегал, умылся. То да се — самоварчик наладил, чайку выпил. Покурил. Налил вторую чашку, сушку размочил в индийском кипятке, — без разговоров, один на один позавтракал. Как раз время незаметно к открытию магазина подошло. По расписанию. Можно и не загадывать, как день провести. Подался за удовольствием.

Морозило. Только светать начинало. Ночь черный свод неба от звезд ярких освобождать задумала, по нижнему краю, где с землей в обнимку спала, алой каемочкой зарделась, румянцем девичьим покрылась. Тихо... Неподвижность времени... Деревня еще толком не проснулась, лишь свет электрический, желто-золотой, кое-где зажгли в домах. Снежок поскрипывает под целеустремленным Афонькиным шагом, у кого-то собака полаивает, у кого-то белые дымы из труб в зимнее небо поднимаются. Озеро Онежское свое ледяное одеяло вокруг острова расстелило, разгладило, берега снегами поплотнее подоткнуло, — не пошевелится.

В магазин народу уже набежало — очередь. Несколько баб пришли отовариться по мелочи, а честно — потрепаться с продавщицей и по порядку, не торопясь, обсудить новости, вчерашние, и после передать новорожденные — свежие, еще не обмусоленные — кому следует, словом, отвлечься от зимней скуки.

Афоня, как обычно, застопорил взгляд на полках с вином. А там было на что посмотреть: портвейны и кагоры сладкие терпеливо ждали своего часа, водочка белая прозрачная, разная, уверенно стояла впереди всех, вино сухое нескольких видов, парочка горьких настоек, шампанское — новогодний остаток недопитый да одинокий коньячок сиротливо к стеночке притулился (бедалага — кто ж его купит за такие бабки!). Ну и парфюмерия всякая для любителей. Выбери —

не хочу! Думал с ходу взять недорого портвейна или там малька для разгона, а дальше — как выгорит, может, позже с кем-нибудь и в кооперацию войдешь, и чего посерьезней замутишь и в количестве прикупишь. Но пока рано голову ломать — еще не вечер.

Но не тут-то было! Облом! Ничего выбрать не может. Бабац! Словно лампочка электрическая стоваттная в голове погасла — горела себе, светила вокруг, — и видно далеко было, вдруг бац! — и перегорела. Почти новая... Сумерки какие-то наступили невовремя, словно в солнечный день в темные сени с улицы зашел и ослеп. Чернота одна кругом!

Что за непонятки? Растерянность охватила Афоню. Переводит взор с бутылки на бутылку, а они не просятся в руки... Ну не хочется ни красного портвейну, ни малька, да и ни на что другое организм не откликается. Молчит, родной. Не подает сигнала. Онемел. Афоня стал мысленно, по-быстрому, открывать бутылку за бутылкой и мысленно же пробовать — ничего не катит, не пьется и все! Водка — уж на что проверенный напиток! — и ее не принимает грудь. Дошел до сухого — кислятины этой — не идет, шампанское глотнул — газы дыхание перекрывают. Решился уже коньяку взять — черт с ними, деньгами, — отпил и выплюнул — ну, не охота. Хоть убей! На этом шикарный ассортимент и закончился. Не с одеклона же или огуречного лосьона день начинать, не алкаш какой-нибудь!

Вышел в расстройстве на улицу — перекурил поражение. Отдышался. Успокоился. Плюнул пару раз в сердцах. Вернулся — повторил попытку. Помедленной.

Тот же результат. Без изменений! Братцы, что делать?! В голове попробовал смешивать напитки в разных сочетаниях, так чуть не стошнило. Как быть? Не солоно хлебавши возвращаться? Незаметно и не свалишь. Бабы с продавщицей растреплют: «Пришел Афонька Никитин в магазин с самого ранья, постоял-постоял, потоптался-потоптался и вышел, — видать, малая нужда, — приспичило. Через пять минут опять приперся. Стоит, молчит, дышит как конь, глазища округлил, прилип взглядом к бутылкам, будто скусать их собирается, кадык гуляет, головой вертит, а затем фигуру развернул и снова на улицу — шасть». Глядишь, еще ходок добавят: «И так пять раз, туда-сюда, туда-обратно! Как беспутный!»

Вывод сделают: «Допился!» Пришлось Афоне для отвода глаз папирос две пачки купить, спички, конфет шоколадных дурацких сто грамм, туалетной бумаги рулон про запас. И не прощаясь, и ни с кем по дороге не здороваясь, удрученный подался до дому...

Откуда было знать Никитину, что в жизни каждого пьющего русского человека, регулярно употребляющего и любящего от души это дело — независимо от места проживания и происхождения, рабочей специальности или службы, увлечений и прочего социального быта, хоть раз да возникает сбой, когда по каким-то неизвестным и не изученным наукой причинам вдруг необъяснимо и неожиданно пропадает желание выпить.

Все путем до этого было. Резво двигался Афоня. Мчался с хорошей скоростью по наезженной колее. И понятно было, куда рулить, и думать не надо было. А тут вдруг словно кто-то незаметно на полном ходу стоп-кран включил... Остановка! Приехали! И местность вроде знакомая, а ничего не узнает — в одночасье заблудился, потерялся на ровном месте. И себя не понимает, и что делать, не знает.

И никто не знает, на сколько может затянуться необычное состояние — может, и на час или на два, или на день, или того дольше. Когда как зацепит.

И тут главное — правильно распорядиться этой напастью, когда ты — ну, этого... того — сам не свой от происходящего. Когда внутри тебя откуда ни возьмись проснулся маленький трезвый змееныш. Спал бы себе и спал, так нет — пополз гаденыш! И что ему, искусителю, в голову взбредет, чего ему захочется, что надо аспиду? Ладно, если затаится поглубже и помалкивает. Ну шевельнется порой, грызнет изредка, помучает несложными расспросами и по-тихому обратно заползет, но существовать-то кое-как позволяет. Не лезет в душу. А то, как пойдет в рост — да выползет наружу, и давай проявлять себя, выкобениваться: вопросы задавать — один похлеще другого. Жалить. Кусать за разные жизненно важные места. Требует ответов!

Шипит тварь! Ползет по телу. Удавкой вокруг горла обовьется — вот-вот задушит! Тогда уж обладатель гада места себе не находит, мечется. Из стороны в сторону кидается. Неприятности на-

живает. Головой об стенку бьется — освободиться пытается. Ищет выход из создавшегося положения. Но где он, в какой стороне? Да есть ли он на самом деле? Возможно ли найти, увидеть другое направление земной юдоли?

Услышит ли сам себя закрепощенный многолетней привычкой организм, уяснит возникшую перемену? Тут только держись, терпи, лови момент! Не пропусти сослепу!

Некоторые, кто сознательно, а кто лишь прислушиваясь к звоночкам и голосам внутри себя, поворачивают к новой деятельности. Одни посмелее кидаются в омут созидания: начинают там или писать про войну и мир, или о всяких преступлениях и наказаниях выдумывать, или пьесы из жизни птиц сочинять, или изобретать механизмы, или картины маслом изображать на кухонной клеенке об окружающей действительности. А она у нас, действительность, — та еще реальность, приглядеться — так лучше выпить! Некоторые меняют привычки, профессию, жен, место жительства, взгляды и рацион питания. Пытаются утреннюю гимнастику под музыку совершать, или в самодеятельности принимать участие, или в каком другом кружке, бывает и садоводством займутся — решаются вишневый сад разбить или раннюю клубнику с огурцами выращивать. Но нужны ли теперь огурцы? А то начнут лобзиком по дереву вырезать или иной чепухой увлекаться. Ну и так далее, кого как торкнет, в какую сторону. Бывает, и не раз... Словом, простор для занятий в связи с образовавшимся свободным от употребления временем. Делай что захочешь, что в голову взбредет, если не планируешь вернуться в рутинное состояние и к пагубным привычкам...

А Афанасий Никитин пошел... Вернулся из магазина пришибленный, еще не отошедший от навязшего привычного желания, еще весь под впечатлением — сам не свой. Сделал кружок по фатере, как пес за собственным хвостом, к зеркалу подошел: «ну и рожа!» — и, не раздеваясь, бухнулся на лавку — ноги не держали. Обвел взглядом избу — дом родительский, — не узнает, все какое-то чужое, холодное, неродное... Ходики с кукушкой на стенке время отсчитывают: «Тук-стук-тук-стук!» Пустота. И тут какой-то незнакомый голос ему и говорит: «Пива, пивасика-то не было!»

«Блин, точно! Чего ж сразу-то не допер, не догадался? Ну и ну, и все из-за отсутствия пива?!» Что правда, то правда: не возили в морозную пору в деревню этот древний напиток в силу малого градуса и расстояния. Пытались, но пока через озеро на тракторе или подводе доставят продовольствие — пиво из жидкого состояния переходило в твердое. Не грызть же...

«Ё-мое! Было б пиво — точно бы выпил!» И ничего другого Афоне уже не хочется. Аж в горле все пересохло! Не вздохнуть. Оттого, что стала понятна простая причина недуга — а из-за такой ерунды чуть душевную болезнь не заработал — сразу полегчало. Лучик слабенький в затуманенной голове засветился звездочкой, лампочка ватт двадцать — не больше. Решено — сбегая за пивком. А путь неблизкий — двадцать пять километров через озеро до ближайшей торговой точки, до поселка Великая Губа, где наверняка есть напиток мечты. Часов пять-шесть пилить хорошим пешим ходом. И не раздумывая, — невтерпеж — на скорую руку собрался: спички там, папиросы, рюкзак брезентовый, рукавицы меховые, лыжи прихватил охотничьи, широкие — на таких не провалишься, — и, как был в ватнике, ушанке и валенках, — пошел, не сомневаясь в правильности выбора. Зашустрил по зимней озерной целине в северо-восточную сторону, навстречу восходящему солнцу.

Солнце. А зимой бывают такие дни, когда оно больше, чем летом. Красное-прекрасное. Огромным воздушным шаром висит на небе, поглядывает. Летом его и не замечаешь — смотришь как на само собой разумеющийся небесный предмет и проходишь мимо по своей надобности, не взглянешь. Не остановишься полюбоваться. Не цепляет. Ты сам по себе, оно само по себе гуляет. Не то что зимой — выйдешь морозным утром на улицу после ночной метели и первым делом вверх глядишь: где оно — солнышко, появилось или нет. Есть, есть! Вот оно, ясное, — выкатилось, взошло! Не прячется, светит — любит все-таки нас, что ни говори, народ свой северный, хотя и не балует частым зимним присутствием. Скупое, но любит. Сразу теплее и радостнее становится, словно дружка старого встретил или бабу близко знакомую. День, значит, хороший задается. Настроение опять же. И жить сразу хочется. Топаешь себе по пушистому снежному ковру, а снег белый-белый, чистый — хоть бо-

сиком ходи или руками трогай, а то — набей полные карманы, принеси домой — потом чаю заварить, утоляй жажду. Ой, и придет же такая блажь в башку! Все в такой день спорится, получается, складывается удачно. И дышится полной грудью, и не жалеешь, что живешь на этом чудном белом свете, хоть и временный ты человек, случайный, но кажется, что так будет всегда — день и ночь, утро за утром.

Афанасий и не заметил, как долетел до Великой Губы на одном дыхании, с одной остановкой по нужде и двумя перекурами. Даже не запыхался. А вот и магазин, соколом залетел, а вот и пиво. Вот оно на полочке фигуристыми бутылками в рядочек выстроилось, этикетками накрашенными заманчиво улыбается. Гладкими полными боками привлекает. Пробочками поблескивает. Доступное, недорогое удовольствие. Летом его нужно холодным пить: вечером — на берегу озера, на закате, утомленным, после трудового дня. И отдельная удача, если ты с ней, с бутылочкой, да не с одной, в баньке окажешься, когда по ней, запотевшей, капельки пота медленно стекают. Выскочишь из парилки, сделаешь глоток — ух-х, хорошо! А зимой лучше слегка подогретым употреблять, тогда янтарная душа отдается тебе полностью, вся — без осадка. Ласково, не торопясь, играючи — с пеночкой. И это правильное пиво.

Стоит Афоня в магазине, смотрит на вожденные бутылки, а никакого взаимопонимания в ответ. Прошла любовь — завяли веники. Ноль желания вступить в связь. И сказать нечего — нет слов. То ли в гонке по бездорожью растерял страсть, то ли еще чего, но перегретый под ватником организм запросил из питейного ряда одного — чаю. Горячего, с сахаром да с горбушкой белого хлеба. Свежего, из печи. И, что странно, никакого сожаления в душе, что отмахал столько времени, накрутил километраж, дурачком себя выставил. Даже весело стало. Легкость в теле появилась. Развернулся и бодро вышел на чистый воздух. Вдохнул полной грудью. Заулыбался.

Заворотил в совхозную столовую, заказал обед по полной программе. Но вначале чаю выпил. С большим удовольствием. Затем ровным шагом направился домой. Трезвый.

А в воскресенье весь день по второму кругу прошел. Как-то само собой получилось. Без

внутренних напоминаний чужими голосами, разговоров, сомнений. Чуть слышно где-то наверху звоночек тренькнул позывной — Афоня и пошел. Отправился в путешествие, повторил маршрут — хоть по будильнику проверяй. Даже след в след свой вчерашний попал — интересно было.

И с погодой повезло — день солнечный, прозрачный, морозный. Видно далеко кругом. Видно, как озеро белым полотном за горизонт плавно закругляется, подтверждает наглядно, что земля круглая. А плоская она только на карте районного масштаба или в мелкой голове.

С этих незначительных событий и начались хождения Афанасия Никитина по выходным и праздничным дням на север, в Великую Губу, в конечный пункт назначения — совхозная столовка. Мороз не мороз, метель не метель, погода не погода, все равно выходит Афанасий на дистанцию. Ничто не тормозит его личное движение. Придет, отобедает и обратно ходу, как перелетная птица.

Такое времяпровождение непременно должно было дать всходы: появились легкость в походке, подвижность в теле, молодцеватость. Курил меньше, работал больше, стал заглядывать в библиотеку, книжки почитать. Естественно, скупее стал в желаниях, реже пылил словами в разговорах с мужиками на производственные темы. И иное... Лишенный теперь привычных развлечений и обыкновленных забав по пьяному делу, он начал искать им замену в себе, что возымело важные следствия и странное влияние на ум и характер Афанасия. Он выучился думать! Воображение стало новой игрушкой.

Идет, бывало, в одиночестве по озерной снежной равнине под высоким небом, синим или голубым, или какого другого цвета, безоблачным в звенящей тишине, и размышляет о чем ни попадя. О природе окружающей, рыбалке, о родине, войне и мире, о ценах на нефть, о бабах, о жизни своей и нашей, и на Ближнем Востоке, о нищете в других странах, о справедливости, судьбе русского народа, о прошлом времени, о будущих выборах, ну и так далее и тому подобное. Сравнения всяко разные напрашиваются. Чаще о себе и женщинах — в хорошем смысле. Благо, время пешеходу позволяет наблюдать и думать. В прос-

том движении по кругу — вперед и назад, на север и на юг — Афанасий постепенно и незаметно для себя удалялся все дальше и дальше от привычного уклада и интересов, от веселья прошедшей жизни.

Первыми заметили перемены в Афанасии продавщица и мужики. Конфликты начались.

— Афоня! Ты что ничего полезного не покупаешь? Под монастырь меня подводишь. Закупка и под тебя с расчетом сделана. Товар завезен, портится. Сам знаешь, покупательский контингент у нас ограниченный. А ты игнорируешь! Меня премии лишат! Выручки до плана не добираю...

— Нехорошо друзей на переправе бросать. В зимнее время. Мы к тебе с полной душой... приходим... всю выкладку имеем, а тебя дома нет. Ты нас уважаешь?

— От коллектива отрываться нехорошо... Загордился, что ли... Посмотри, в кого ты превратился?

— Ты ему в глаза загляни... бешеный какой-то.

— Бабу завел, видать, по-тихому, в Великой.

— Худющий совсем стал...

— А не того ли он? — брякнул кто-то и постучал пальцем по голове.

— Гляди-ка, а до работы злой сделался. Никак в передовики подался!

— За ум взялся наконец-то, — отметило начальство.

Соседский мальчонка попросил: «Дядя Афанасий, возьми меня в поход! Я тебе не помешаю. Я сильный! Надоело дома сидеть. Скучно!»

А Афанасий ходил себе и ходил. Нелегко его было уже сбить с пути: не обращал внимания на замечания. Не придавал им значения. Как-то раз стал шаги считать от дома до столовой, туда и обратно, из интереса, чтобы не скучать. И вот странность: разница возникла. Если вверх на север по земле подымаешься — одно количество, а если спускаешься с севера на юг — другое. Повторил на следующий день расчет — та же арифметика. На тридцать три шага не сходятся концы с концами. Загадка. Почему раньше на это никто внимания не обратил? По карте проверил — все правильно, одно и то же расстояние, а по жизни другое. Чего делать? Не с кем и поделиться этой глупостью. «Может, из-за частых землетрясений на других континентах и у нас смещение происходит — погуливает земная кора. Или от неудачного движения планет? А может, есть что-то осо-

бенное в личных моих шагах, что на юг мне экономически ближе идти? Не кроется ли в этом некое указание для направления жизни?.. Сложный вопрос, — размышлял Афанасий, — есть о чем задуматься... Да и мне ведь тридцать три года в этом году стукнет! Не хухры-мухры!»

В воскресенье с утра не удалось уйти в отрыв. Пришлось могилу копать. Помер бригадир Афанасия. Своей смертью — лег вечером после баньки спать, а утром нет человека. Прощай, Иваныч! Толковый мужик, да и плотник знатный, человек справедливый, в семье все путем было. За неделю до Пасхи, на Страстной. Знать, время подошло. Легко ушел, без болезни. Не дожил до лета, до юбилея своего, до шестидесяти лет. Видать, сердце подкачало. На кладбище вся бригада собралась. С погодой повезло — оттепель апрельская наступила, день теплый, безветренный, птицы щебечут, солнце спину припекает, — копать проще. Все равно без лома не обошлось, долбили матушку-землю по очереди. Перемазались глиной, пока комья мерзлые из ямы выкидывали. В перекурах-перерывах, не чокаясь, выпивали. Разговаривали, жалели бригадира, душевно о нем отзывались, случаи всякие вспоминали. Задавались вопросом: «Кого на его место назначат?»

— Видать, тебе, Никитин, придется. Ты один у нас такой — непьющий.

— Опыта тебе не занимать. Грамотный. Набил руку наряды правильно закрывать.

— Бригадир тебе доверял... учил.

— Все мы там встретимся... все...

— Наверху тебя утвердят. Не бойсь, Афанасий, все путём будет...

— Никуда мы с нашей земли родной не убежим. Здесь лежать останемся...

Мужики постепенно хмелели. Афанасию приятно было слышать о себе хорошие слова, давно его вслух не хвалили, да и нечасто мужики откровенничали, не принято было.

— Ну какой из меня начальник. Молод еще. Пограмотней, постарше меня имеются кандидаты, — Афанасий не врал. Не лежала у него душа к этому. Другим был занят. Не мое это, мол, извиняйте, спасибо, мол, за доверие, я не справлюсь...

— Ладно, не ломайся, не целка.

- Мы тебя поддержим...
- Давай помянем... Земля ему пухом...
- Все там будем. За нами не заржавеет.
- Куда мы с наших островов денемся...
- Разливай!

Водки, как всегда, не хватило. Пошли добавлять до магазину.

Афанасий тихонечко слился. К себе завернул. Слушать пьяные базары, а этим все и закончится, не было желания. И так все понятно было. Деревня приумолкла. Никого видеть и ни с кем говорить не лежала у Афанасия душа. Грустно все.

И дернул его черт рвануть в Великую Губу. На ночь глядя. Засвербило Афанасия. Зазвенели бубенцы. День к обеду поворачивал. Обычно он в это время возвращался, а сейчас только начал в одну сторону движение. Ну никак не сиделось дома. Занеймелось. Снежный покров на озере хлябистый, подтаявший, вода проступила. Снег да лубанда. Только в резиновых сапогах пройти по нему возможно. Нет чтобы перекусить чего-нибудь горячего — ведь с утра ничего не емши, — поперся. Ума нет — оставил ватник дома. Вышел в курточке модной из кожаменителя и в кепке, без шарфа и рукавиц, в перчаточках кожаных городских. А чего не придется — теплынь на дворе, весна катит в глаза.

В норматив по такой дороге не уложился, опоздал, столовая закрылась, и магазины в воскресенье раньше, чем в будние дни, закончили торговлю. Можно было к каким-нибудь знакомым сунуться переночевать — не отказали бы, да начнутся расспросы: как да что, да давай помянем, да почему не пьешь, да помяни, да давай же и все такое... Решил бросить кости в доме колхозника, одноэтажном бараке, сменившем вывеску на «отель» для заманивания туристов. Заплатил за койку с продавленной железной сеткой и улегся спать на пустой желудок. Завтра рано вставать — понедельник, начало рабочей недели. Ни к чему опаздывать, прогуливать.

Ни свет ни заря проснулся — спешил. Только вышел за порог, как дыхание перехватило. Морозище! Градусов за двадцать! За ночь поменялась природа. В худшую сторону. Где она — долгожданная весна? Ау! У других жителей страны уж лето через месяц, яблони в цветах, картошку сажают, в отпуска готовятся. А у нас даже и не

пахнет! Зима назад пургой воротилась, забыла что-то по невнимательности. Надула за ночь снегу, запорошила дороги. С толку сбивает. Руки свои ледяные потирает, злорадствует. Дыханием полярным в лицо смеется. Погублю!

Делать нечего, все равно идти придется. Эх, сейчас бы ватничек не помешал, валенки, рукавицы меховые да шапку-ушанку потуже затянуть, да горячего поесть, но обманула погода Афанасия. Вернулся в помещение, подобрал газетку старую, у печки для растопки приготовленную, разделил на две равные части и вместо портянок обернул левую и правую ноги, сапоги резиновые натянул, — утеплился. Ну что? С Богом, натошак! В путь-дороженьку!

Замело проторенную, провешенную дорогу, при такой температуре можно и не петлять, напрямки двигаться, наст твердый — держит, в салму-попыню не провалишься. Лишь бы дойти поскорей. И, была не была, пошел Афанасий напрямую посередке озера между островов-берегов, под небом звездным чистым. И сотни шагов не сделал — холод свою одежду набрасывает, закутывает, ноги в сапогах резиновых замораживает. Уши оторвать пытается, лезет к телу через кожаменитель, под брюки без кальсон... А еще топать и топать до родного острова... Пройдя пару километров, Афанасий ширинку растегнул, замерзшие ладони просунул к самому последнему главному месту на теле, к самому беззащитному, — пусть обморозится все другое, а добро спасать надо, новое не вырастет — нет ничего дороже для мужика.

С каждым шагом, пройденным километром, часом Афанасий постепенно отупевал. Все внутри скукожилось. Застыло. И вроде все отлично видит кругом: замечает, как светлеет небесный восток, как месяц бледнеет, как снег свой цвет и звук меняет — но как бы не своими глазами и как бы со стороны смотрит на мир и на себя. Понимает, что руки, лицо, тело чужими сделались, только ноги двигаются сами по себе.

На десятом километре Афанасий сдох. Окоченел насквозь организм. Все — и не дойти, и не вернуться! Солнце уже встало в полный рост, светло кругом, ни души. Тишина звенит. Облака плывут. Красиво — глаз не оторвать! Повернул к берегу, до деревни Сибово. Знал, что никто не зимует в ней, на лето только дачники приезжают, но вдруг кто-то нетерпеливый уже вернулся. Бы-

ла слабая надежда. А к деревне еще добраться надо — лишние километры от дороги намотать. Дома вдалеке на высоком берегу десятком черных коробков застыли...

Добрел. Огляделся — не видать ли где проруби, не стоит ли пешня, не тянется ли тропинка от какого-либо дома? Не видать. Гладкий снег, без человеческих следов. Не хожено никем. С трудом, через торосы, выбрался на крутой берег. К домам бы подойти — была мысль забраться в какой-нибудь и печь растопить — не по-людски, не по правилам и незаконно это, но спастись-то надо. Шиш! Избы по самым окнам занесены, двери сугробами завалены. Сунулся к ближней — хоть через окно залезть, — провалился по пояс, полные сапоги снегом набил, упал, насилу выбрался. Все — пипец! Куда дальше? Смотрит — один маленький домишка от всех отбился, заполз в сторонке на пригорок и чистым, не занесенным обшитым досками крыльцом на южную сторону глядит. Доковылял. Замок железный, здоровенный дверь запирает. Тут лом необходим, голыми руками не своротишь. Но удача не отвернулась от Афанасия: на крыльце аккуратно дрова сложены, береста для розжига и, что совсем нежданно, мох — видать, заготовили стены конопатить. Давай костер перед крыльцом складывать. Ногами расчистил от снега место, руки уже того — не работают, ладони не сжать, ни полено прихватить, ни бересту подложить. Что делать? В зубах бересту перенес, накидал. Затем кое-как, с горем пополам, по полешку, зажимая одеревеневшими кистями, медленно, будто какой-то робот, перетаскал с десятка. Поленицу ладную разворотил, рассыпал. С трудом мох подложил. Вроде готово. Давай коробок спичечный вытаскивать, а он в руки не дается, выскальзывает. Все-таки вытащил. Открыл — спичку не зажечь пальцами. Дуй не дуй на них, сгибай не сгибай — не подчиняются воле хозяина, не слушаются. Силенок не хватает. Считай, сутки без питания. Не сразу, но удалось между большим и указательным пальцами захватить горсть, почти все спички в охапочку. Только несколько штук в коробке осталось. На колени встал — чиркает, чиркает — наконец зажглись. Поднести к бересте и подержать, чтобы схватилось, не получилось — выпали из зако-

ченевших пальцев, упали в дрова, просыпались между поленьев — и потухли... Осталось в коробке три спички — понятно, что никак теперь не взять их и не разжечь костер.

Страшно стало Афанасию. Нет сил идти. Добегался, полярник непутевый... Не одолеть оставшуюся дорогу. До конца, конечно, не верилось, что вот так просто, среди белого дня, рядом с родным домом закончит он свои денечки. Замерзнет от собственной глупости в расцвете сил. Нелепо, когда столько новых путей открытых перед ним лежит. Но ничего не поделаешь — видать, не ты судьбой распоряжаешься. Кто-то за тебя решил. Обидно до слез... И друзьям-товарищам задал работенку — выписал наряд на земляные работы без оплаты. Лежать теперь рядом с бригадиром придется. От непрерывных поминок как бы в загул не ушла мужская половина деревни... Но хоть песен попоют, погуляют.

Сидит на крыльчке чужого дома Афанасий, один-одинешенек, окоченевший до самого сердца, смотрит с высокого берега — умели же в старину достойные места для деревень выбирать, чтоб жить на воле — на родимые заонежские просторы, на удивительную красоту любимого края, на белую пустыню озера.

А день замечательный выдался. Солнце красное в глаза слепит. Лес на близких и дальних островах, на малых и больших пушистым инеем покрылся, светится в лучах солнечных кружевом белым-белым. Переливается. Небо синее в барашках облаков. Высоко и далеко самолет крохотной звездочкой белый след чертит. Ни души кругом. Ай, нет. Вот стая воронья откуда ни возмись прилетела, на верхушках деревьев за домом угнездилась. Затихла в ожидании. Ждет развязки. Красоту нарушает.

Сидит Афанасий, по-тихому прощается с миром... «Хоть бы нашли меня раньше волков, а то растащат косточки...»

Тут откуда-то вдруг дымком потянуло. Слабый запах, но в морозном воздухе хорошо различимый. Повернул голову Афанасий — из костерка тоненькая струйка темная поднимается. Еле-еле. Кинулся к ней, как будто пружина внутри тела распрямилась, завалился на бок, лицо к самым дровам подсунул. И слабо, по чуть-чуть, подул, чтобы не спугнуть, не погасить. Огонь не заставил себя ждать — мох вспыхнул, а за ним и береста, и сразу побежали языки пламени по полень-

ям сосновым и березовым. Затрещали, заиграли, задымили дровишки. Жаром ударило в лицо. Стал Афанасий руками пламя хватать, греть пальцы, отогреваться.

И десяти минут не прошло, а уже посиживает Афанасий на чурбаке березовом перед костром, сапоги сбросил, голыми ступнями шевелит, папиросу курит, на мир совершенно другими глазами смотрит. Дружелюбно. Усмехается прошлым мыслям. Слабости своей. Чего и говорить — повезло так повезло, пронесло мимо дуры неминуемой в этот раз. Спасибо людям незнакомым за мох сухой, если бы не он, то не разгорелось бы из искры пламя... А теперь это событие — лишь прошлое приключение, воспоминание. И слава Богу!

Согрелся Афанасий основательно. Пора и честь знать. В деревне, небось, уже и спохватились — куда Никитин подевался, с чего это он прогуливает работу, не загулял ли по-новому? Навел порядок на крыльце, вернул поленницу в прежнее состояние, закидал кострище снегом, чтобы ветром не раздуло, еще раз поблагодарил гостеприимный кров и пошел себе.

Легко шагалось Афанасию, оно и понятно — на юг путь держал, короче же. Ну чуть-чуть подмерз, самую малость. А когда уже недалеко было, всего ничего, оказия случилась — согреться еще раз удалось. Совсем немного оставалось — не больше часа пути. С целины на дорогу вышел — на этом отрезке она между островами петляет, — обогнул маленький безымянный островок, смотрит, впереди «Буран» замер и рядом мужик вошкается, наверняка знакомый. Подошел, точно — Захар Федорович, плотник с Еглов-острова. Заглох снегоход: что-то в нем крякнулось.

— Здорово, Афанасий! Давай выручай! Тут такое дело — отнеси крест на Кижы. Бригадирю на могилку сделал, — и показывает на привязанный поперек заднего сиденья ладный сосновый крестище: постарался Захар Федорович, не пожалел материалу. — У меня ремень полетел, а тебе по пути. И не пустой придешь... — Убедительные слова подбирает Федорович. — Мне никак, сам понимаешь, не обернуться засветло, если самому переть. А так я сейчас за подмогой, попрошу Степана — он еще трезвый — и на его снегоходе мой заце-

пим, оттащим... Соглашайся, дело-то хорошее... Я зря не попросил бы, ты меня знаешь...

Дело, конечно, нужное и хорошее, кто бы говорил. Тащить — ума не надо, сила требуется. Какую другую обузу Афанасий не поволок бы за просто так, послал бы подальше. А бригадирю не отказать. Не чужой человек, многому мастерству Афанасия выучил. Придется тащить, никуда не деться.

Взвалил Афанасий крест на себя, обхватил покрепче руками, приладил поудобней на плече и понес. Спасибо Захару Федоровичу, рукавицы свои не пожалел — отдал, папироской угостил.

Идет Афанасий, кряхтит, несет крестище, горбатится. Нелегкой оказалась нежданная-негаданная ноша. Не своя — тянет. Приостановится ненадолго передохнуть, с плеча на плечо перекинёт нежданное бремя, вздохнет и дальше прет. А впереди, с левого боку, рядом собственная его тень бежит, только размером покрупнее Никитина будет, качается. Тень то больше, то меньше, то человек маленький, а крест большой, и наоборот. Напоминает что-то эта картинка Афанасию, как будто уже видел подобное где-то, но не вспомнить... идти надо, нести, терпеть... близко уже, чуть-чуть осталось. Скоро закончатся мучения.

И вот наконец расступились острова и островки, освободили зимнее озерное пространство, и открылась родная панорама: вдалеке, на заснеженной ладони острова, под лучами длинными солнечными, из-под облака белого бьющие, стоят две сестры-красавицы, две церкви деревянные, Преображенская и Покровская. Светятся. Одна высокая, стройная, двадцать две главки с крестами на ней, на другой — младшей — корона из десяти куполов. Нарядные — глаз не оторвать. Шатровая колокольня строгим сторожем между ними застыла, звоном благовеста приглашает и посмотреть-полюбоваться зовет — и оберегает... Если с северной стороны на них глядеть, то младшая сестра за старшей прячется, стесняется, украдкой выглядывает, а с южной — вперед себя выставляет — смотрите: вот я какая замечательная! А если с запада или востока, то втроем в один ряд выстраиваются — смотрины или хоровод затевают. Все вместе они Погостом Спасским в Кижях, на Онего-озере, зовутся. Издали порой кажется, что вот сейчас они возьмутся за руки, поднимут купола-паруса

и полетят над землей среди облаков белых, между звезд ночных, под луной и солнцем, словно чудесные сказочные птицы...

Остановился Афанасий, опустил крест на землю, оперся. Любуется, как будто в первый раз увидел. И кажется издалека Афанасию, что церкви, да и весь погост разом, вырезаны из ствола огромного дерева, одной умелой рукой. Но знает, подойдешь поближе, и видно, что сотни стволов не просто сложены, срублены, а еще много любви и мастерства, накопленного умения предками вложено. Но и этого недостаточно, маловато будет, чтоб воздвигнуть неповторимую красоту — тут вера и дух, и молитвы нужны... Без них никак не сотворили бы чудо и не сохранилась бы красота до наших дней. В чем в чем, а в этом Афанасий толк понимал — сам плотник.

Стоит Афанасий, размышляет с восхищением о мастерстве в прошлом времени, не в пользу сравнивает с результатами умельцев сегодняшних. И зачем-то стал купола пересчитывать, кресты складывать с каждой церкви и колокольни в одно целое, чего раньше никогда не делал, насчитал тридцать три. Удивился цифре, уж больно часто в последнее время встречается, странным образом к возрасту разных людей привязана...

И подоспело, прилетело из памяти воспоминание — из далекого детства. И не свое, а бабкино, бабки Марии рассказ про отца своего, про папеньку. Как декабрьской зимой под вечер пришли за ним люди чужие, арестовывать. Ввалились в избу — а папеньки нет, в лес за дровами отправился, — расселись, затаились, ждут. Возвратился отец на свою беду, схватили его за руки, связали, заарестовали. В санки бросили, повезли до города. Больше папеньки своего бабка не видала. Расстреляли его по приговору через месяц, но об этом никто тогда не знал. Сообщили другое — в лагере трудится, перевоспитывается, кулак. Соврали. А ей четырнадцать лет в ту пору было. Пятеро их сирот осталось, она старшая. Отец единственный работник в семье был. А маменька с горя слегла. Перед самой войной все случилось.

— А как папенька нас любил! Как любил детушек своих! Каждый год своими руками новые сапоги всем нам шил. Старые поправит, отремонтирует — бегайте! А новые — на праздник! Баловал...

И замолкала бабка, и начинала плакать, всхли-

пывать и креститься на икону в красном углу, и причитать: «И за что нам такое наказание? За что, ироды, погубили!» Вслед и мать Афанасия, дочь ее, уже не могла сдерживаться, реветь принималась. Отец вставал, зажимал папиросу с хрустом зубами, выходил на улицу курить... Афонька тихо сидел в сторонке и не понимал: плакать со всеми, молчать или бежать за отцом. Так и сидел, никому не мешая.

— А ему... а ему-то... всего-то тридцать три года было! Молодой какой! Жить бы, жить бы еще! — обращалась неведомо к кому бабка Мария... — Поесть на дорогу не позволили, торопились, душегубы... маму отпихнули, не дали попрощаться... увезли голодного человека... С собой ничего не успели собрать... Пожил бы еще с нами... Я папеньку так любила, так любила... Долго ждали его... Потом нам тридцать три рубля государство за потерю кормильца заплатило...

И сжалось сердце у Афанасия, выпал крест из рук на лед холодный. И не удержался Афанасий, упал, повалился сверху на него, прижался. И заплакал вместе со своей родней: с бабкой Марией, с матерью, с отцом... «И отчего мы так не по-путному живем? Что в нас такого, что ни себя не жалеем, ни других людей? Красоту дня не любим и сохранить не можем, что в наследство досталась?» Да кто ответ на Афанасия вопросы знает?..

Затрясся, не по-мужицки — навзрыд заревел, как в детстве бывало, как от какой-то несправедливости, нанесенной взрослыми людьми, как от боли нестерпимой. И горько-горько ему сделалось, будто один он на этой земле. И жалко себя стало, и всех других людей жалко: детей и баб, мужиков... И будто это его везут ночью темной со связанными руками куда-то в санях к участи неминуемой. И никогда не увидит он больше ни детей своих, ни дома, ни красоты светлого дня. Лежит Афанасий, крест обнимает, плачет. Льются слезы, на крест деревянные капают, на морозе капельками стеклянными застывают, а с ними все невзгоды вытекают, все лишнее, пустое.

Выплакался Афанасий, не осталось слез. ...Ну да ладно... Достаточно... Домой пора. Слава Богу, дошел. Живой и невредимый, еще и людям помог, выручил. Принес крест... А прадеда, отца бабкиного, вспомнил, так же звали — Афанасий! Афанасий Иванович.

А через несколько недель весна пришла. Разогнала, растопила лед, освободила озеро для летней легкой жизни. Навигация открылась. Пошли, поплыли теплоходы, понеслись суда на подводных крыльях на остров Кижы. Повезли туристов со всего мира полюбоваться нашей природой и восхититься нашими деревянными храмами. Ознакомиться, как в старину забавно люди жили, и посмотреть, как сейчас потомки достойно время проводят.

Афанасий Никитин с первым пароходом отчалил с острова. Объявил, что в отпуск на море собрался — не то на Белое, не то на Черное, не то еще на какое-то. Без разницы, главное, не вкальываешь — отдыхаешь. Греешь косточки на жарком песочке после зимы. Месяц прошел, Никитина нет. Ни слуху ни духу. Ни письма, ни грамотки. Разговоры пошли, догадки. Оказывается, пришло от него заказное письмо на работу, в отдел кадров, с заявлением на расчет — увольняется. Без объяснения причин. Трудовую книжку просит выслать на главпочтамт города Мурманска, до востребования на его имя. Сделали как он просит. Ни ответа ни привета. Но тут кто-то рассказал, что видел кого-то и тот сообщил, что Никитин завербовался, устроился по знакомству в какое-то северное пароходство матросом и ушел на теплоходе-су-

хогрузе в дальние страны, куда-то на юг. За тридевять земель. Не ждите скоро.

И только поздней осенью, когда полетели первые белые мухи, когда земля подмерзает стала, снежком покрываться, готовиться к спячке, пришла от Афанасия Никитина весточка. Из Индии. Конверт с фоткой цветной внутри: стоит Афанасий на самом краешке океана, противоположного берега и не видеть, высокий и жилистый, загорелый, чему-то смеется. Стоит, улыбается — единственный русский человек в окружении тамошних жителей-аборигенов. Обнимает их за черные плечи, но таких же, как и мы, людей. Пишет, что все у него хорошо, что пейзажи там — нашим по красоте не уступают, но скучает он все же по родной природе, по дому, мужикам и бабам. Просит не забывать его. А сейчас — пора заканчивать письмо — вахта его начинается, утром необходимо кораблю идти дальше. Держат они путь в другие моря, на север поворачивают. Но обещает, что непременно вернется, не быстро, но обернется... Когда поход окончится. Словом, все путем!

□

Виктор Евгеньевич ТУМАНОВСКИЙ

детские годы провел на Украине.

Сейчас работает экскурсоводом в музее «Кижы».

Живет на соседнем с Кижами острове Большом Климецком

в деревне Потаневщина, в том самом месте,

где проживал знаменитый заонежский сказитель

Трофим Григорьевич Рябинин.

